УДК: 911.37(084.3):314(292.471)

DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-273-291

И.Н. Воронин¹, К.Ю. Сикач², Г.В. Сазонова³, А.Б. Швец⁴

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КРЫМА

АННОТАЦИЯ

В статье представлены и обобщены результаты картографирования трансформационных процессов в демографическом и этноконфессиональном пространстве Крыма. Картографические сюжеты отражают варианты визуализации данных о демографических, этнических и конфессиональных процессах в Республике Крым и г. Севастополе на протяжении последних десятилетий. Картосхемы иллюстрируют динамику численности и плотности населения, его естественного движения, сальдо миграций, брачность и разводи-мость, территориальные особенности расселения крупных и малых этносов Крыма, размещения на его территории культовых сооружений и религиозных общин. Созданы и проанализированы карты сельского расселения и появления в нём сёл с вымирающим населением. Определены типы динамики демографической, этнической и конфессиональ-ной ситуаций в Крыму. Проведен анализ особенностей динамики этнодемографического пространства Крыма в период смены его политической субъектности. Выявлены основные пространственные закономерности процессов, формирующих современный портрет наро-донаселения Крымского полуострова. Сделан вывод о возможности картографического исследования демографической и этноконфессиональной специфики территории после предварительной дифференциации социокультурных процессов в её пределах на масштабные и локальные. Это позволяет уточнить не только пространственные, но и сущ-ностные маркеры их возникновения. В современном Крыму к масштабным трансформаци-онным социокультурным процессам следует отнести все репродуктивные и миграционные изменения, которые являются следствием демографических сломов, начавшихся еще в 1990-х годах. Локальными в Крыму следует считать процессы изменения его этнического и конфессионального пространств. Их картирование выявило сужающийся характер та-кого явления, как полиэтничность территории Крымского полуострова. Картографическое изучение социокультурных процессов в Крыму подтвердило авторскую гипотезу о том, что крымское региональное сообщество не завершило процесс постсоветской транс-формации и продолжает поддерживать тренды развития, заложенные в конце XX века.

¹ Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Республика Крым, Россия;
e-mail: voronin.igor45@gmail.com

² Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Республика Крым, Россия;
e-mail: sikach89@gmail.com

³ Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Республика Крым, Россия;
e-mail: galisaz@mail.ru

⁴ Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Республика Крым, Россия;
e-mail: fusion10@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: карты населения, этническая картография, этнодемографическое пространство, Республика Крым, г. Севастополь.

Igor N. Voronin⁵, Kseniya Yu. Sikach⁶, Galina V. Sazonova⁷, Alexandra B. Shvets⁸

MAPPING OF TRANSFORMATION PROCESSES IN THE ETHNODEMOGRAPHIC SPACE OF THE CRIMEA

ABSTRACT

The article presents and summarizes the results of mapping transformational processes in the demographic and ethno-confessional space of the Crimea. Map plots reflect the options for visualizing data on demographic, ethnic and religious processes in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol over the past decades.

The maps illustrate the dynamics of the population size and density, its natural movement, the balance of migration, marriage and divorce, territorial features of the settlement of large and small ethnic groups of the Crimea, the placement of religious buildings and religious communities on its territory. Maps of rural settlement and the appearance of villages with endangered populations were created and analyzed. The types of dynamics of demographic, ethnic and confessional situations in the Crimea are determined. The analysis of the peculiarities of the dynamics of the ethnodemographic space of the Crimea during the change of its political subjectivity is carried out. The main spatial patterns of the processes that form the modern portrait of the population of the Crimean Peninsula are revealed.

The conclusion is made about the possibility of cartographic study of the demographic and ethno-confessional specifics of the territory after preliminary differentiation of socio-cultural processes within its boundaries into large-scale and local ones. This allows us to clarify not only the spatial, but also the essential markers of their occurrence. In modern Crimea, large-scale transformational socio-cultural processes should include all the reproductive and migration changes that are the result of demographic breakdowns that began in the 1990s. The processes of changing its ethnic and confessional spaces should be considered local in Crimea. Their mapping revealed the narrowing nature of such a phenomenon as the polyethnicity of the territory of the Crimean Peninsula.

Cartographic study of socio-cultural processes in the Crimea confirmed the author's hypothesis that the Crimean regional community has not completed the process of post-Soviet transformation and continues to support the development trends established at the end of the twentieth century.

KEYWORDS: population maps, ethnic cartography, ethnodemographic space, Republic of Crimea, Sevastopol.

⁵ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademik Vernadsky ave., 4, 295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russia;
e-mail: voronin.igor45@gmail.com

⁶ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademik Vernadsky ave., 4, 295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russia;
e-mail: sikach89@gmail.com

⁷ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademik Vernadsky ave., 4, 295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russia;
e-mail: galisaz@mail.ru

⁸ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademik Vernadsky ave., 4, 295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russia;
e-mail: fusion10@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Современные особенности этнодемографического пространства Крыма обусловлены многофакторными трансформационными процессами, затронувшими полуостров. Исследование демографических и этноконфессиональных процессов – неотъемлемый элемент решения комплекса задач социально-экономического развития Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Количественные и качественные характеристики населения – это основа стратегического планирования и демографической политики. Географическая специфика проживания населения в приморских или глубинных (степных) регионах Крыма, оказывает влияние на скорость и направление многих этнодемографических процессов.

Территориальная неоднородность обозначенных процессов, обуславливает необходимость применения системы методов их исследования. Одним из основных методов выявления уникальности территориальных процессов является картографический. Богатый инструментарий данного метода позволяет визуализировать особенности этнодемографического пространства как элемента социокультурного региона.

Социокультурный регион – это полиструктурная часть геокультурного пространства, сформированная на определённой ландшафтной основе в длительный период времени, имеющая ситуативный характер изменения этнических, конфессиональных, демографических, хозяйственных характеристик влияющих на возникновение у проживающих в её пределах общностей людей уникального культурно-ценностного комплекса региональной идентичности [Швец, 2020].

Цель работы – установление пространственно-временных особенностей трансформационных процессов в этнодемографическом пространстве Крыма посредством их комплексного атласного картографирования для выявления особенностей развития Крыма как социокультурного региона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Этнодемографические процессы и их визуализация являются обширным многоаспектным вопросом в картографии и неотъемлемым элементом комплексного атласного картографирования. Учитывая полиструктурность этнодемографической проблематики, сложность объективной интерпретации её результатов, авторы использовали возможность широкого применения методического аппарата системно-структурного подхода. С этой целью все процессы в этнодемографическом пространстве Крыма были классифицированы на массовые и локальные, имеющие проявленность в отдельных регионах Крымского полуострова и появляющиеся на его территории ситуативно. К массовым были отнесены все репродуктивные и расселенческие процессы, а признаки локальности чаще всего проявлены в этноконфессиональной среде.

Актуальные аспекты картографической интерпретации демографических процессов в России рассматриваются в многочисленных работах отечественных географов-обществоведов. Данные процессы на Юге России активно исследуются в Северо-Кавказском федеральном [Черкасов и др., 2020], и Крымском федеральном университетах [Швец и др., 2020].

Основы отечественной этнической картографии нашли отражение в работах А.И. Преображенского (1953), А.В. Постникова (1996), Л.С. Берга (1928), С.А. Токарева (1966) и др. [Псянчин, 2004] Среди современных исследований привлекает внимание атласное картографирование этнических процессов Оренбургской [Герасименко, 2015] и Ленинградской областей [Фишман и др., 2017]. Картографирование этнических процессов в Крыму находит отражение в работах Петроградской А.С., 2007.

Карты демографических и этнических характеристик населения отображают его структуру, динамику в результате естественного движения, миграций и других процессов, что дает возможность оценить характер, интенсивность и направленность этнодемографических процессов [Казяк, 2015].

Визуализация трансформационных процессов в этнодемографическом пространстве Крыма была проведена авторами в Атласе социокультурных процессов в Крыму [Атлас., 2020]. Основными сюжетами карт для упомянутого картографического труда стали:

1. *Изменение численности и размещения населения* (динамика численности населения (2001–2017 гг.), численность и плотность населения, городское расселение и типы городов, сельское расселение, транспортная доступность исчезающих сёл).
2. *Естественное движение населения* (рождаемость, смертность, младенческая смертность, естественный прирост населения, брачность, разводимость).
3. *Механическое движение населения* (сальдо миграций, внешние миграции).
4. *Структуры населения* (половозрастная структура населения и её динамика, население в трудоспособном возрасте).
5. *Состав семьи и домохозяйств* (средний размер семьи, домохозяйства).
6. *Этноконфессиональные процессы* (этническая, конфессиональная структура населения, народы Крыма, структура религиозных организаций, представленность конфессий на полуострове, динамика этноконфессиональных противоречий в Крыму (1990–2015 гг.), народные промыслы) [Яковенко, Вольхин, 2020].

Составлены синтетические карты трансформационных процессов в этнодемографическом пространстве: «Динамика демографической ситуации 2005–2016 гг.», «Типы динамики этнической структуры населения», «Типы динамики конфессиональной структуры населения».

Разработанные сюжеты карт сгруппированы в двух разделах Атласа: «Геодемографические процессы» (19 карт) и «Этноконфессиональные процессы» (14 карт).

При составлении карт преимущественно использовались способы картограмм и картодиаграмм, как традиционные и общепринятые в социально-экономическом картографировании. Кроме традиционных использовались и более редкие профильные, структурные и звездчатые картодиаграммы, многие из которых имели нестандартный авторский подход в построении. Так, например, карта «Средний размер семьи» создавалась с учетом количества и особенностей семейных ячеек (состав, количество детей, доли молодых семей) отображаемых звездчатыми и структурными картодиаграммами. К числу не часто применяемых в социально-экономическом картографировании можно отнести точечный способ построения карт расселения населения, транспортной доступности исчезающих сёл или способ «разменной монеты» при картографической интерпретации расселения народов, а также способ «100%-х квадратов» при выяснении этнической структуры населения. Все перечисленные выше способы применены на картах Атласа социокультурных процессов в Крыму.

Статистическая информация, послужившая содержательной основой интерпретации картографических сюжетов, представлена преимущественно материалами переписей населения (1979, 1989, 2001 и 2014 гг.), а также данными Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и её региональных представительств – Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат).

При создании карт Атласа социокультурных процессов в Крыму использовались программные продукты семейства ArcGIS, открытых ГИС-программ (QGIS и др.).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Все репродуктивные, расселенческие и этноконфессиональные процессы в этнодемографическом пространстве Крыма отличает пространственно-временная неоднородность и различная степень проявленности. Наиболее часто упоминают в этой связи показатели динамики численности населения Крымского полуострова.

В процессе пространственных наблюдений за численностью населения Республики Крым и города Севастополя (2001–2017 гг.) выявлены незначительные колебания этого параметра (менее 5% в год) с преобладанием разных векторов – то уменьшения то, наоборот, увеличения. Для Севастополя, начиная с 2010 г., наблюдается постепенный рост численности населения (на 5–10% ежегодно), что отчасти объясняется возрождением его функции базы Черноморского флота Российской Федерации (рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Крым и г. Севастополя, (2001–2017 гг. [Атлас..., 2021]

Fig. 1. Population dynamics of the Republic of Crimea and Sevastopol (2001–2017). [Atlas..., 2021]

К 2021 г., несмотря на некоторое снижение общей численности населения, Республика Крым стала по этому показателю 25 субъектом Российской Федерации (на момент вхождения республика занимала 27 позицию). Темпы снижения численности населения наиболее высоки в северных степных районах Крыма, в связи с преобладанием там сельского населения, которое сохранило советскую устремлённость к смене руральных форм проживания к урбанистическим. Это давний тренд социокультурного развития крымского региона, негативный характер которого отмечался ещё в 1992 году, с момента появления устойчивой естественной убыли населения в Крыму.

Размещение населения по территории Крымского полуострова также сохраняет реликтовый характер неравномерности. Его плотность увеличивается с севера на юг, причем, в городских округах она выше, чем в муниципальных районах. Средняя плотность населения Крыма – 86,6 чел./км². Максимальные показатели зафиксированы в Симферопольском и Евпаторийском городских округах (3 367 чел./км² и 1 829 чел./км² соответственно), а минимальные – в Краснопереконском, Ленинском, и Черноморском муниципальных районах (20 чел./км²). Пространственная локализация неравномерности в населённости Крыма не изменилась даже после возвращения на полуостров ранее депортированных крымских татар, которые в начале 2000-х годов начали активную внутрирегиональную миграцию из районов их официального размещения в пределах степных территорий полуострова, перемещаясь в предгорье и прибрежные регионы крымского южного бережья.

После смены политической субъектности Крыма в 2014 году ещё сильнее проявилась тенденция роста диспропорции плотности населения в северных и южных районах Крыма. Стал заметен рост плотности населения вокруг крупногородских поселений – столицы Республики Крым г. Симферополь и города федерального значения Севастополь. В настоящее время – это главные фокусы притяжения трудовых ресурсов из прилегающих сельских территорий. Временная притягательность для проживания и трудоустройства населения сформирована в г. Керчь. Главной причиной концентрации населения в этом городе стало строительство моста через Керченский пролив и осуществление крупного инфраструктурного проекта – строительства трассы «Таврида» от Керчи до Севастополя. Эксплуатация моста и трассы может постепенно вернуть транзитный характер социально-экономического развития Керчи как промежуточного пункта на дороге из материковой части России в Крым.

Оригинальны для понимания современного этнодемографического пространства Крыма сюжеты картографирования особенностей сельского расселения и проявленности в нём исчезающих сёл. Одиннадцать населённых пунктов с вымершим населением были обнаружены в ходе переписи населения Крымского федерального округа в 2014 году (рис. 2). На фоне 688 сельских населённых пунктов Крыма численность исчезающих сёл кажется несущественной (1,6%). Вместе с тем, появление категории «исчезающие сёла» в Крыму, регионе, имеющем имидж благодатного края, может служить маркером расширения процесса, характерного для всего постсоветского пространства: сокращение сельскохозяйственных функций и снижение людности сельских поселений. Сельские населённые пункты Крыма находятся на разных стадиях упомянутого процесса, имеют разные скорости его развития, но общая тенденция изменений в сельском расселении полуострова характеризуется доминированием селитебной функции сёл, редко дополняемой рекреационной на фоне тотального сокращения сельскохозяйственной функции.

Депопуляция малых и средних сёл Крыма между переписями 1989 и 2014 г. связана с социально-экономическими преобразованиями и их последствиями в аграрной сфере постсоветского периода. Исчезли крупные коллективные хозяйства, сельские жители лишились устойчивого источника занятости и дохода, началась длительная трансформация психологии сельского населения, которое стремилось преобразовать свой уклад жизни под городские стандарты с неизбежной в таких случаях переменой места жительства поближе к крупногородским поселениям. В сельских населённых пунктах полуострова продолжила укрепляться тенденция сокращения численности населения за счет его естественной убыли и внутренней миграции [Яковенко, 2020].

Демографическую ситуацию в Республике Крым и городе Севастополе, сложившуюся в последние годы, можно охарактеризовать как напряжённую: на протяжении

последних лет показатель смертности превышает здесь показатель рождаемости, что обусловило устойчивую депопуляцию населения (рис. 3).

В Республике Крым пик рождаемости пришёлся на 2014 г. (12,9‰), а в г. Севастополе – 2015 г. (13,5‰), после чего начался спад, в результате показатель рождаемости ежегодно снижался на 5-8% в год. В 2017 г. коэффициент рождаемости в Республике Крым составил 10,9‰, а в г. Севастополь – 11,2‰, что ниже средних показателей рождаемости, как по России, так и по Южному федеральному округу в целом (11,6‰ и 11,1‰ соответственно).

Более высокие коэффициенты рождаемости в региональном разрезе были характерны для Бахчисарайского (13,7‰), Советского (13,5‰) и Белогорского (13,2‰) муниципальных районов, имеющих высокую долю сельского населения, сохранившего традицию многодетности, а также для Джанкойского (12,3‰), Сакского (12,1‰) и Симферопольского (12‰) городских округов. Минимальные показатели коэффициента рождаемости были зафиксированы в Ленинском (9,7‰) и Сакском (9,6‰) муниципальных районах, а также в городском округе Керчь (8,9‰), что косвенно подтверждает наше предположение о временном характере увеличения численности населения в этом городе.

Рис. 2. Сельское расселение Республики Крым и г. Севастополя [Атлас..., 2021]

Fig. 2. Rural settlement of the Republic of Crimea and Sevastopol [Atlas..., 2021]

С начала 1990-х годов на Крымском полуострове количество умерших стабильно превышает количество родившихся, но с 2012 г. – сокращение численности населения региона начало компенсироваться его механическим приростом или миграций (исключением стал только 2018 г.). При среднем значении коэффициента смертности в целом для Крыма 13,75‰ в 2017 г., для Республики Крым этот показатель был выше, а

для г. Севастополь – ниже среднекрымского (14,4‰ и 13,1‰ соответственно). Увеличение коэффициента смертности происходит на территории Крымского полуострова с юга на север, создавая тренд распределения обратный показателям плотности населения Крыма. В целом смертность выше в сельских муниципальных районах, по сравнению с городскими округами. Самые высокие показатели смертности в 2017 г. были зафиксированы в Сакском (18,5‰) и Джанкойском (19,7‰) городских округах, а также в Раздольненском (16‰), Краснопереконском (16,4‰) и Нижнегорском (16,8‰) муниципальных районах [Гусаков, 2019].

Основные причины смертности в Республике Крым и г. Севастополь – болезни системы кровообращения (62% и 59% соответственно), новообразования (15% и 19%), болезни пищеварительной системы (по 5%).

В целом для Крыма характерен отрицательный естественный прирост населения и в 2017 г. его величина составляла -3,4‰. Единственным исключением был и остаётся Симферопольский муниципальный район, для которого в последние годы был характерен стабильный положительный прирост населения (0,6‰ в 2017 г.).

Рис. 3. Естественный прирост населения Республики Крым и г. Севастополя, 2001–2016 гг. [Атлас..., 2021]

Fig. 3. Natural population growth in the Republic of Crimea and Sevastopol, 2001–2016 [Atlas..., 2021]

Частичная компенсация убыли населения Крыма за счёт внешних мигрантов не носит стабильный характер и отличается рядом пространственно-временных особенностей [Ожегова и др., 2020]. Одной из таких особенностей является пространственная асимметрия социально-экономического развития Крыма, на которую накладывается активность внешних миграций на полуостров.

Уровень социально-экономического развития крымского региона пространственно совпадает с его заселённостью и в целом изменяется с севера на юго-запад. Рисунок локализации территорий высокого миграционного прироста следует той же географической привязке (рис. 4). Симферополь и Симферопольский муниципальный район, Ялтинский городской округ, город федерального значения Севастополь – это территории максимальной активности внешних миграций в Крым. Они подтверждают свой статус благоприятных для проживания. Северные районы Крыма – Первомайский, Джанкойский, Нижнегорский, Советский – это территории, которые имели до 2014 г. фактор оттока населения и получили дополнительный риск усиления миграционного оттока после перекрытия Украиной Северо-Крымского канала, по которому Крым получал до 80% пресной воды из Днепра. Отсутствие воды в канале обострило проблему водообеспеченности территории всего Крымского полуострова, но в северных регионах она активизировала процессы перепрофилирования сельского образа жизни. Сохраняя функцию главной зерновой житницы Крымского полуострова, основного звена его продовольственной безопасности, степные районы Крыма демонстрируют устойчивую тенденцию сокращения интереса к проживанию в них не только местного, но и приезжего населения.

Рис. 4. Сальдо миграций населения Республики Крым и г. Севастополя, 2002–2016 гг. [Атлас..., 2021]

Fig. 4. Balance of migration of the population of the Republic of Crimea and Sevastopol, 2002–2016 [Atlas..., 2021]

Важной особенностью демографических процессов в Крыму стало постоянное сокращение численности трудоспособного населения. С 2001 по 2016 г. численность лиц в

трудоспособном возрасте сократилась на 167 тыс. чел. (или 7%), а количество населения пенсионного возраста увеличилось на 111 тыс. чел. (17%). В результате этого дисбаланса произошло увеличение демографической нагрузки на людей трудоспособного возраста. Среднереспубликанский показатель демографической нагрузки составляет в Республике Крым 853 чел. нетрудоспособного возраста на 1 000 чел. трудоспособного. Это примерно на 200 чел. больше, чем в среднем по Российской Федерации. Традиционно наибольшая доля детей проживала в сельских муниципальных районах Крыма. Города в этом отношении отличались меньшим количеством детского населения. Малая численность детского населения – составляет дополнительную характеристику процесса его «старения». Активнее всего процессы старения протекают в приморских городских округах Крыма – особенно в Сакском, Керченском и Феодосийском – от 30% до 32%. В меньшей степени они характерны для сельских муниципальных районов (от 25% до 29%).

Согласно данным переписи населения Крымского федерального округа 2014 г., (в 2016 г. вошел в состав Южного федерального округа) в его половой структуре населения по-прежнему преобладали женщины (54% от общей численности населения). В региональном разрезе доля женского населения выше в городских округах, по сравнению с сельскими районами. Больше всего женщин проживает на территории Евпаторийского, Сакского и Ялтинского городских округов (56% от общей численности населения). По сравнению с 1989 г., доля мужчин увеличилась лишь в Судакском городском округе (48%), а также Сакском (47%) и Советском (48%) муниципальных районах.

Брачность и разводимость – одни из важных показателей устойчивости демографических процессов в регионе. С 2016 г. в Крыму наблюдается стабильное сокращение числа заключённых браков и увеличение возраста вступающих в брачные отношения, что совпадает с общероссийской тенденцией. Активность брачности возрастает с северо-востока на юго-запад Крымского полуострова, что соотносится с общими показателями социально-экономического развития регионов Крыма и половозрастной структурой населения его муниципальных образований. Минимальный показатель брачности – в Джанкойском муниципальном районе (в 2016 г. – 5,9‰), а максимальный – в г. Севастополе (9,5‰). Высокие показатели разводов фиксируются практически во всех муниципальных образованиях Крыма, что негативно влияет как на отдельные семьи, так и на общество в целом. Абсолютное количество разводов коррелирует с количеством заключённых браков и максимально в крупных городах. Коэффициент разводимости в Крыму, подобно аналогичному показателю брачности, выше в городских округах и ниже в сельских районах. Минимальный показатель разводимости отмечен в Кировском муниципальном районе (2,2‰), а наивысший – в г. Севастополе (4,5‰).

Для Атласа социокультурных процессов в Крыму созданы обобщающие карты типов динамики демографической ситуации (рис. 5).

Проведенная типизация базировалась на традиционно применяемых в демографии критериях: коэффициенте рождаемости, смертности, величине естественного прироста, миграционного прироста, брачности и разводимости, исходя из значений которых демографическая ситуация может приобретать как негативную, так и положительную окраску. Перечисленные критериальные характеристики рассматривались за период 2006–2017 гг.

Выделены районы, где демографическая ситуация имеет тенденцию к улучшению или ухудшению, а также с относительно стабильными или колеблющимися характеристиками. Улучшение демографической ситуации наблюдается в крупных и южнобережных городах Крымского полуострова, а также в Симферопольском и Черноморском муниципальных районах, что связано с уровнем экономического развития

данных территорий или наличием в них крупных производственных объектов, как это имеет место с Черноморским районом, ставшим базой морской добычи газового конденсата в крымском секторе Черноморского шельфа. Неблагоприятная демографическая ситуация сложилась в городе Красноперекопске и Красноперекопском, Советском и Ленинском муниципальных районах. Здесь ежегодно численность населения снижается за счет отрицательного естественного и механического прироста и минимальных показателей уровня брачности. Для территорий Раздольненского, Джанкойского, Сакского, Красногвардейского, Бахчисарайского муниципальных районов и городского округа Судак характерно колебание демографических характеристик от негативных до позитивных.

Рис. 5. Динамика демографической ситуации в Республике Крым и г. Севастополе, 2006–2017 гг. [Атлас..., 2021]

Fig. 5. Dynamics of the demographic situation in the Republic of Crimea and Sevastopol, 2006–2017 [Atlas..., 2021]

Сложность и неоднородность демографических процессов на Крымском полуострове поддерживается особенностями динамики его этноконфессионального пространства. Этноконфессиональное пространство Крыма в исследуемый период испытало несколько трансформационных сломов, нашедших отражение в сюжетах картосхем. В 1990-х годах на полуостров вернулись депортированные народы, среди которых самой многочисленной группой стали крымские татары. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации изменило славяно-тюркский баланс не только в Крыму, но и в южных российских регионах. В этой части России количество славян увеличилось на 1,9 млн. человек, причем, 1,5 млн. человек составили русские [Киселев, Петроградская, 2008]. Это приращение произошло на фоне практически повсеместного для южнорусских территорий Астраханской области, Дагестана, Ингушетии, Калмыкии, Кабардино-

Балкарии, Чечни этнокультурного замещения русского населения. Крым сохраняет доминирование русских в этнической структуре своего населения. Общая численность тюркоязычных народов, вошедших в сферу российской государственности, составила в Крыму 292 тыс. человек или 2,3% суммарной численности тюрков России [Зорина и др., 2017].

После 2014 года изменилось соотношения русских и украинцев в структуре славянского этноса Крыма. Маркером изменения соотношения доминирующих славянских этносов стало позитивное увеличение численности русских практически во всех муниципальных территориях Крымского полуострова. Сокращение численности украинцев в Крыму мы связываем со сменой их идентичности, характерной для близкородственных народов, и незначительным возвращением украинцев на территорию Украины [Швец, Сикач, 2020].

Современными доминирующими крымскими этносами по признаку устойчивого численного преобладания на фоне иных этнических групп являются русские, украинцы, крымские татары и татары. Последняя из названных группа сформирована этническими и крымскими татарами, назвавшими себя во время переписи населения в Крымском федеральном округе в 2014 г. «татарами». Доминирующие этносы составляют 96,2% общей численности населения Крыма, указавшего свою национальную принадлежность. Иные этносы составляют в Крыму 3,8%. Среди этой группы наиболее многочисленны белорусы (1%) и армяне (0,5%) [Баранов, 2018]. Иные народы Крыма, по своей малочисленности включённые в группу «малые народы» (греки, турки, узбеки, цыгане, марийцы, таджики, удмурты, чуваша, мордва и др.), находятся в состоянии активной ассимиляции и расселены преимущественно в сельской местности. В крымских городах проживают азербайджанцы, армяне, болгары, грузины, караимы, крымчаки, осетины. Состав и соотношение доминирующих и малых этнических групп имеет в Крыму историческую динамику, которая прослеживается на полуострове повсеместно (рис. 6).

Рис. 6. Типы динамики этнической структуры населения Крыма, 1897–2014 гг. [7, 13]

Fig. 6. Types of dynamics of the ethnic structure of the Crimean population, 1897–2014 [7, 13]

На территории Республики Крым и города Севастополь наблюдается постепенное сужение этнической мозаичности населения, что обусловлено сокращением репатриационного потока народов и затуханием внутрирегиональной миграции крымских татар. Возвращение крымских татар затормозило процесс сокращения этнической мозаичности в Крыму, что зафиксировала Всеукраинская перепись населения 2001 г.

Вхождение Крыма в Российскую Федерацию вновь изменило вектор этнической мозаичности на полуострове в сторону увеличения его полиэтничности. Наименьшие показатели этнической мозаичности зафиксированы в пределах трех городских округов: Керченского, Феодосийского и Севастопольского. Эти три территории сохраняют в Крыму, по сути, моноэтничность с преобладанием русского населения. Показатель этнической мозаичности в перечисленных городских регионах более чем в полтора раза меньше среднекрымского [Швец, Сикач 2020].

На основании индекса этнической мозаичности, его изменения и соотношения доли основных этнических групп в муниципальных районах и городских территориях Крыма определены типы динамики этнической структуры населения и составлены оригинальные картографические изображения (рис. 7).

К 1-му типу территорий относится город Керчь, который можно характеризовать, как моноэтничный, где украинцы и крымские татары составляют незначительную долю населения, а малые народы Крыма (греки, армяне, узбеки, корейцы, цыгане и др.) существенно ассимилированы. Районы 2-го типа являются преимущественно прибрежными (исключение составляет город Симферополь) и характеризуются средней этнической смешанностью населения, стабильной этнической структурой и пиком проявленности полиэтничности в 2001 г. за счет репатриации крымских татар. Среди этносов этих территорий отмечается доминирование славянских групп населения, а доля тюрков не превышает 10%. Остальная территория полуострова представлена районами 3-го типа с этнически смешанным населением, ростом полиэтничности до 2001 г. и последующей её стабилизацией, а также слабо выраженным снижением этнической мозаичности.

Рис. 7. Типы динамики этнической структуры населения Республики Крым и г. Севастополя, 1979–2014 гг. [Атлас..., 2021]

Fig. 7. Types of dynamics of the ethnic structure of the population of the Republic of Crimea and Sevastopol, 1979–2014. [Atlas..., 2021]

В этнической структуре населения этих территорий возрастает доля крымских татар и украинцев, присутствуют малые этносы. По мере приближения к границе с Украиной в районах данного типа увеличивается доля украинцев, сокращается численность крымских татар и сохраняется без особых изменений удельный вес русских. Характерной особенностью описанных территорий является присутствие в их этнической структуре населения как традиционных, так и «новых» для Крыма малых этносов: узбеков, корейцев, цыган, азербайджанцев и др.

Параллельно с этническим происходят трансформационные процессы и в конфессиональном пространстве Крыма. Особенностью современного крымского регионального сообщества верующих стала его полиструктурность и насыщение конфессиями связанными с историческими традициями народов Крыма. Наиболее активно в крымском регионе разрасталась сеть православных и мусульманских общин. В настоящее время в конфессиональной структуре Крымского полуострова повсеместно доминируют православные общины, а также наблюдается постоянный рост количества исламских общин, численность которых в некоторых районах Крыма сопоставима с православными. Появление в конфессиональном пространстве Крыма различных направлений протестантизма создало на полуострове упомянутую выше полиструктурность. В Крыму сохраняется небольшая доля общин малых народов Крыма (караимов, крымчаков, армян), многие из которых возрождены и стали важными объектами культурного наследия полуострова. В 2019 г. наблюдалось некоторое сокращение количества религиозных общин всех конфессий, вызванное процессом их перерегистрации по законам Российской Федерации (рис. 8).

Рис. 8. Религиозные общины и культовые сооружения в Республике Крым и г. Севастополе, 1997–2019 гг. [Атлас..., 2021]

Fig. 8. Religious communities and places of cult in the Republic of Crimea and Sevastopol, 1997–2019 [Atlas..., 2021]

Попытка районирования территории Крыма согласно особенностям развития конфессионального пространства с 1997 по 2019 гг. была предпринята на основании расчетов индекса конфессиональной мозаичности (рис. 9).

Крым имеет достаточно однородную динамику конфессиональной мозаичности и конфессиональной структуры, что было учтено при выделении типов районов. Большинство районов Крыма отнесены авторами к территориям с преобладанием стабильно высокой конфессиональной мозаичности и доминированием православных и мусульманских общин в широком спектре христианских религий, иудаизма, караимизма. Районы данного типа наиболее распространены в Крыму. Именно для них отмечается соответствие между традиционной этничностью и конфессиональной структурой населения.

Рис. 9. Типы динамики конфессиональной структуры населения Республики Крым и г. Севастополя, 1979–2014 гг. [Атлас..., 2021]

Fig. 9. Types of dynamics of the confessional structure of the population of the Republic of Crimea and Sevastopol, 1979–2014 [Atlas..., 2021]

В пределах этих территорий численность православных и мусульманских общин коррелирует с показателем количества русских, украинцев и крымских татар. Среди конфессиональных типов регионов полуострова выделяется Нижнегорский муниципальный район, где на фоне растущей конфессиональной мозаичности сохраняется резкое преобладание доли православия над всеми другими конфессиями, незначительно количество мусульманских общин и практически отсутствуют протестантские. Это территория, по сути моноконфессиональная, что является достаточно редким явлением для религиозной карты Крыма. Сакский и Красноперекопский муниципальные районы,

города Джанкой и Красноперекоепск выделяются среди остальных широкой представленностью протестантских общин и постепенно растущей степенью конфессиональной мозаичности.

ВЫВОДЫ

- Комплексное атласное картографирование является неотъемлемой частью исследования трансформационных процессов в социокультурном пространстве регионов, имеющих сложную этнодемографическую ситуацию. Многообразие характеристик такой ситуации нередко создаёт методические затруднения её визуализации. Для выбора картографических сюжетов, иллюстрирующих трансформацию этнодемографической ситуации следует разграничить все социокультурные процессы в регионе на масштабные, характерные для всей его территории, и локальные, не создающие устойчивых трендов.
- В современном Крыму к масштабным трансформационным социокультурным процессам следует отнести все репродуктивные и миграционные изменения, которые являются следствием демографических сломов, начавшихся еще в 1990-х годах. Постсоветские тренды в репродуктивных и миграционных преобразованиях в населении и его расселении носят в Крыму повсеместный характер и достаточный запас прочности. Их картирование следует проводить в сочетании аналитических и синтетических сюжетов, позволяющих проводить не только пространственное маркирование возникновения неблагоприятных тенденций в демографической ситуации, но и выявлять факторы их перспективных преобразований.
- Картирование динамических показателей демографического развития Крыма подтвердило необходимость их постоянного мониторинга и корректировки причин естественной убыли населения, снижения рождаемости, замедления внешнего миграционного прироста населения. Эти процессы в Крыму территориально неоднородны, имеют разный характер протекания в степных и приморских регионах Крыма, в его городах и сельских поселениях.
- Локальными в Крыму следует считать процессы изменения его этнического и конфессионального пространств. Их картирование выявило сужающийся характер такого явления, как полиэтничность территории. Для изучения полиэтничности картографическим способом следует сочетать сюжеты этнической и конфессиональной динамики численности доминирующих и малых этносов и конфессий с типологизацией процесса появления в регионе такого явления, как этноконфессиональная мозаичность. В результате на картах могут появиться территории с локально сформированными особенностями полиэтничности.
- Карты типологизации демографических и этноконфессиональных процессов в современном Крыму, созданные на период 1979–2014 годов, подтвердили авторскую гипотезу о том, что крымское региональное сообщество не завершило процесс постсоветской трансформации и продолжает поддерживать тренды развития, заложенные в конце XX века в естественном и миграционном развитии, расселении сельских жителей, доминировании традиционных конфессий и многочисленных этносов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-05-00725 А.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was funded by the Russian Foundation of Basic Research, grant No 20-05-00725 A.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты]. Под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швеца, Д.А. Вольхина. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://atlas-crimea.ru> (дата обращения 15.03.2021).
2. Автономная Республика Крым: атлас. Симферополь: 2003. 76 с
3. Баранов А. В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы. Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 3. С. 351–360.
4. Герасименко Т.И. Этнографический атлас Оренбургской области. 2-е изд., доп. и перераб. Казань: ИДЕАЛ-ПРЕСС, 2017. 80 с.
5. Гусаков Т.Ю. Использование метода картографического моделирования при изучении демографических процессов (на примере Республики Крым). Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). Вып. 3. С. 148–152.
6. Зорина В.Ю., Старченко Р.А., Степанова В.В. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.
7. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. М.: Статистика России, 2015. 279 с.
8. Казяк Е.В., Лукашик А.А., Русанов Д.Л. Картографирование демографических процессов и процессов расселения в «Атласе населения Словакии». Демографические риски XXI века: (к Международному дню народонаселения): материалы II Межвузовского студенческого семинара. 2015. С. 192–197.
9. Киселев С.Н., Петроградская А.С. Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. Геополитика и экогеодинамика регионов. 2008. Т. 4. Вып. 1–2. С. 85–94.
10. Ожегова Л.А., Сазонова Г.В., Сикач К.Ю., Зуева И.Б. Динамика и территориальные особенности социально-демографических процессов в российском Крыму. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология, 2020. Т. 6. №3. С. 135–151.
11. Псянчин А.В. История этнической картографии в России: До 30-х гг. XX в.: автореф. дис. ... на соиск. учён. степ. док. геогр. наук (07.00.10). Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Москва, 2004. 41 с.
12. Фишман О.М., Докучаева М.А., Засецкая М.Л., Исаченко Г.А., Королькова Л.В., Красникова О.А., Терюков А.И. и др. Этноконфессиональный иллюстрированный Атлас Ленинградской области. СПб.: Издательский Дом «Инкери», 2017. 656 с.
13. Черкасов А.А., Белозёров В.С., Щитова Н.А., Сопнев Н.В. Геоинформационный мониторинг демографических процессов в регионах юга Европейской России Интер-Карто.ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф. М.: Издательство Московского университета, 2020. Т. 26. Ч. 1. С. 127–140. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-1-26-127-140.
14. Швеца А. Б. Феномен социокультурного региона в современных общественно-географических исследованиях. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология, 2020. Т. 6. №2. С. 129–139.

15. *Швец А. Б., Сикач К. Ю.* Новая реальность этнического пространства в российском Крыму. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 301–313.
16. Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения): информационно-справочное пособие. Автор-сост. А.С. Петроградская. Симферополь: АнтикВА, 2007. 20 с., 5 карт.
17. *Яковенко И.М.* Анализ и картографирование многолетней динамики сельского расселения в Крыму. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 58–70.
18. *Яковенко И.М., Вольхин Д.А.* Опыт создания геоинформационной системы с функцией обновления обширной базы данных о социокультурных процессах в Крыму. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 2020. Т. 6 (16). Вып. 2. С. 36–49.

REFERENCES

1. Atlas of socio-cultural processes in the Crimea [Maps] / ed. Voronina I.N., Yakovenko I.M., Shvets A.B., Volkhina D.A. Simferopol: V.I. Vernadsky KFU, 2020 [Electronic resource]. Access mode: <https://atlas-crimea.ru> (accessed 15.03.2021). (in Russian).
2. Autonomous Republic of Crimea: Atlas. Simferopol: 2003. 76 p. (in Russian).
3. *Baranov A.V.* Changes in the ethnic structure of the Crimean population in the post-Soviet period: identity drift and migration processes. 2018. V. 4 (14). No 3. P. 351. Issue 360 (in Russian).
4. *Cherkasov A.A., Belozarov V.S., Shchitova N.A., Sopnev N.V.* Geoinformation monitoring of demographic processes in the regions of Southern European Russia InterCarto. InterGIS. Geoinformation support for sustainable development of territories: Proceedings of the International Conference M.: Moscow University Press, 2020. V. 26. Ch. 1. P. 127–140. DOI: 10.35595/2414-9179-2020-1-26-127-140 (in Russian).
5. Ethnic history of the Crimea in tables, maps and diagrams (according to census data): information and reference manual. Author-comp. A.S. Petrogradskaya. Simferopol: AntikvA, 2007. 20 p., 5 maps (in Russian).
6. *Fishman O.M., Dokuchaeva M.A., Zasetskaya M.L., Isachenko G.A., Korolkova L.V., Krasnikova O.A., Teryukov A.I., etc.* Ethnoconfessional Illustrated Atlas of the Leningrad Region. St. Petersburg: Inkeri Publishing House, 2017. 656 p. (in Russian).
7. *Gerasimenko T.I.* Ethnographic atlas of the Orenburg region. 2nd ed., add. and reprint. Kazan: IDEAL-PRESS, 2017. 80 p. (in Russian).
8. *Gusakov T.Yu.* The use of the method of cartographic modeling in the study of demographic processes (on the example of the Republic of Crimea). *Geopolitics and ecogeodynamics of regions*. 2019. V. 5 (15). Issue 3. P. 148–152 (in Russian).
9. *Kazyak E.V., Lukashik A.A., Rusanov D.L.* Mapping of demographic processes and settlement processes in the "Atlas of the Population of Slovakia". Demographic risks of the XXI century: (for the International Population Day): materials of the II Interuniversity student seminar. 2015. P. 192–197 (in Russian).
10. *Kiselev S.N., Petrogradskaya A.S.* Dynamics of the number and settlement of Ukrainians in the Crimea, according to the data of the general population censuses of the XIX–XXI centuries. 2008. V. 4. No 1–2. P. 85–94 (in Russian).
11. *Ozhegova L.A., Sazonova G.V., Sikach K.Yu., Zueva I.B.* Dynamics and territorial features of socio-demographic processes in the Russian Crimea. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. *Geography. Geology*, 2020. V. 6. No 3. P. 135–151 (in Russian).

12. *Psyanchin A.V.* History of ethnic cartography in Russia: Until the 30s of the XX century.: autoref. dis. on the screen. learned. step. doc. Geogr. nauk (07.00.10). Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2004. 41 p. (in Russian).
 13. Results of the population census in the Crimean Federal District. Federal State Statistics Service. Moscow: IIC "Statistics of Russia", 2015. 279 p. (in Russian).
 14. *Shvets A.B.* The phenomenon of the socio-cultural region in modern socio-geographical research. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Geography. Geology, 2020. V. 6. No 2. P. 129–139 (in Russian).
 15. *Shvets A.B., Sikach K.Yu.* New reality of ethnic space in the Russian Crimea. Geopolitics and ecogeodynamics of regions, 2020. V. 6 (16). Issue 3. P. 301–313 (in Russian).
 16. *Yakovenko I.M.* Analysis and mapping of long-term dynamics of rural settlement in the Crimea. Geopolitics and ecogeodynamics of regions, 2020. V. 6 (16). No 3. P. 58–70. (in Russian).
 17. *Yakovenko I.M., Volkhin D.A.* The experience of creating a geoinformation system with the function of updating an extensive database of socio-cultural processes in the Crimea. Geopolitics and ecogeodynamics of regions, 2020. V. 6 (16). No 2. P. 36–49 (in Russian).
 18. *Zorina V.Yu., Starchenko R.A., Stepanova V.V.* Ethnic and ethnopolitical map of the Crimea. Organization of monitoring and early warning of ethnic and religious conflicts. Moscow: IEA RAS, 2017. 216 p. (in Russian).
-